

— Выступление команды Шао Жаня подошло к концу. Просим судей подготовить свои оценки.

Ведущий, прижав руку к наушнику, обратился к залу. Он не стал приглашать актеров на сцену сразу, как делал с предыдущими группами.

— Все мы помним, что фильм «Агент под прикрытием» — это проект, над которым режиссер Цзян трудился долгих три года. В свое время эта картина завоевала...

За кулисами все трое так и застыли, не в силах сдвинуться с места. Первым в себя пришел Шао Жань. Вырвавшись из рук подбегавшего организатора, он поспешил к Чу Цинюню.

— Твоя рука... — выдохнул он.

Чу Цинюнь качнул головой, обрывая его на полуслове. Пошатываясь, он поднялся на ноги и легонько пнул носком ботинка Чэнь Сяоди, который так и лежал с остекленевшим взглядом.

Парень полностью потерял связь с реальностью: лицо серое, губы дрожат — казалось, ему сейчас гораздо хуже, чем раненому Чу Цинюню.

Шао Жань с трудом сглотнул, со смешанным чувством глядя на него:

— Похоже, он намертво увяз в роли. Ты его за собой утянул.

— Эй, — Чу Цинюнь толкнул Чэнь Сяоди ногой уже ощутимее. — Поднимайся давай.

Взгляд Чэнь Сяоди наконец прояснился. Он уставился на Чу Цинюня. Подбегавший ассистент попытался помочь ему встать, но парень резко, всем телом вздрогнув, взвился с пола и мертвой хваткой вцепился в Чу Цинюня.

— Прости меня, прости! Я только что... я... — запричитал он.

Оператор с ручной камерой, прибежавший вместе с бутафорами, мгновенно поймал этот момент в объектив.

Чу Цинюнь, безглаголиво отклонившись назад, держал руки на весу, стараясь не соприкоснуться с ним.

Но Чэнь Сяоди так и лип к нему, стиснув его талию и размазывая слезы по лицу:

— Я правда не хотел! Я не такой, честное слово, я не желал тебе зла!..

— Знаю я, знаю, — Чу Цинюнь скосил глаза на Шао Жаня, панически боясь, что рыдающий коллега испачкает его одежду слезами и соплями.

Шао Жань с усмешкой оттащил парня в сторону:

— Очнись уже, все закончилось. Снято.

— Да знаю я, знаю... — Чэнь Сяоди обернулся, его все еще потряхивало от пережитого страха.
— Брат Жань, мне в голову такие жуткие мысли лезли, просто пиздец...

Их разговор прервал внезапно подскочивший администратор с рацией в руке:

— Чу Цинюнь! Тебя режиссер требует!

Из динамика зашипел голос главного режиссера Фэна:

— Чу Цинюнь, что у тебя с рукой?.. Эта пластиковая стяжка — твоя личная импровизация?

Услышав режиссера, Чэнь Сяоди окончательно пришел в себя. Он опустил взгляд на левую руку Чу Цинюня и болезненно поморщился: один из пальцев торчал под совершенно неестественным углом.

На сцене он мельком видел это, но Чу Цинюнь вел себя так собранно и уверенно, словно вообще не чувствовал боли, что заставило всех напрочь позабыть о травме.

Чу Цинюнь не стал брать рацию, ответив прямо в микрофон, который администратор поднес к его губам:

— Нет.

— Понял, — коротко отозвался режиссер. — Я прикажу перекрыть все выходы из здания и заблокировать гримерки. Ты сам-то как, держаться сможешь?

Шоу транслировалось в прямом эфире, но позже должно было выйти и в записи. Если Чу Цинюнь сейчас откажется выйти на сцену к судьям, передача сорвется, а это грозило колоссальным скандалом и провалом эфира.

Шао Жань недовольно нахмурился:

— Режиссер, в его состоянии...

— Я смогу, — перебил его Чу Цинюнь. — Немного потерпеть — пустяки.

Раз уж он вытерпел всю сцену на подмостках, глупо было сдаваться в самый последний момент.

Режиссер тут же ушел раздавать указания, и почти сразу из динамиков под потолком донесся голос ведущего, приглашающий их команду на сцену.

Зал взорвался аплодисментами — куда более бурными и искренними, чем для всех предыдущих участников. Шао Жань и Чэнь Сяоди пропустили Чу Цинюня вперед, встав по бокам от него, и бережно приподняли тяжелую кулису.

Объективы камер мгновенно сфокусировались на троице, а точнее — на лице Чу Цинюня, хотя операторы старательно избегали брать крупным планом его руки.

Запястья, ободранные жестким пластиком стяжки, превратились в сплошное кровавое месиво. Покажи такое на экранах крупным планом — разгневанные родительские комитеты завалили бы телеканал жалобами за излишнюю жестокость в эфире.

Однако беречь нежные чувства зрителей было уже поздно. Те, кто следил за трансляцией через дополнительные стримы и ракурсы, уже успели во всех подробностях рассмотреть и разодранную кожу, и выбитый сустав левой руки.

«Подождите, мне же не одной послышалось то, о чем сейчас говорили режиссер и Чу Цинюнь?»

«Капец, это не теории заговора... Его реально кто-то связал намертво перед выходом!»

«Офигеть, вот это я понимаю — прямой эфир! Криминал в реальном времени!»

«Я еще перед выходом заметила, что за кулисами у бутафоров какой-то хаос творился, все бегали туда-сюда. Сразу почуяла неладное, но чтобы такое!»

«Какая же мразь это сделала?! Если бы Цинюнь не вырвался, они бы вообще провалили выступление без единого шанса!»

«Да постановка это чистой воды. Стал бы он молчать вначале? Небось сам себя покалечил ради хайпа и жалости.»

«Идиот, если бы шла запись, он бы мог остановить съемку. Но это прямой эфир! Объяви он стоп-снято — и вся вина за сорванную трансляцию легла бы на него. Да и режиссер, видите, до последнего гонит его на сцену, лишь бы сетку вещания спасти.»

«Меня больше всего поражает, как он умудрялся одновременно бороться с путами и отыгрывать роль. Я ведь вообще не видела актера — передо мной метался сам Сяовэй, настоящий, живой.»

«Да эта троица просто в другой лиге по сравнению с остальными! Когда Лун Тянь вошел в раж под конец, у меня аж мурашки пошли, такой бешеный взгляд был.»

Всего за несколько минут нарезки с их выступлением заполнили сеть. Сочетание реального саботажа за кулисами, хладнокровное самолечение прямо в кадре и запредельный уровень актерской игры мгновенно взвинтили рейтинги «Пика актерского мастерства» почти вдвое.

На сцене тем временем завершилась обязательная процедура представления актеров, и ведущий передал слово судейской коллегии.

В жюри сегодня заседали трое: суровый режиссер Цзян, уроженец провинции Тай, снявший оригинального «Агента под прикрытием» и заслуживший славу патриарха криминального кино (в кулуарах поговаривали, что в молодости он и сам был тесно связан с триадами); известная своими тонкими мелодрамами Чжу Ли; и молодой, импозантный Фан Чжоо — бывший актер, успешно переквалифицировавшийся в режиссеры и успевший обзавестись внушительной армией поклонников благодаря паре кассовых хитов.

Все предложенные для конкурса сценарии основывались на отрывках из работ этих трех мастеров. По устоявшейся традиции, обсуждение начали коллеги режиссера Цзяна.

Будучи тертыми калачами в шоу-бизнесе, судьи прекрасно поняли, что произошло за сценой, однако из профессиональной солидарности предпочли не раздувать скандал в прямом эфире и сосредоточились исключительно на разборе актерской игры.

Качество работы троицы не вызывало вопросов. Фан Чжоо, привыкший оценивать проекты с точки зрения коммерческого успеха, тепло поприветствовал своего знакомого Шао Жаня, перебрался с ним парой фраз, а затем искренне похвалил Чу Цинюня и Чэнь Сяоди за ювелирную работу над нюансами образов.

— Рейтинг вашей коммерческой привлекательности составлял лично я, — без обиняков признался он. — Изначально, сопоставив медийность и особенности ваших характеров, я задвинул вас двоих в самый конец списка. Но сегодня вы открылись мне с совершенно иной стороны. Я готов прямо сейчас отдать вам места в первой десятке. Ваш потенциал поистине огромен.

Чжу Ли, натура более чуткая и эмоциональная, раздала комплименты всей тройке, после чего бережно промокнула уголки глаз салфеткой и, шмыгнув носом, обратилась к Чу Цинюню:

— Помимо потрясающей сыгранности, больше всего меня тронула игра Чу Цинюня. Когда твой герой метался в углу, пытаюсь высвободиться, и отчаялся настолько, что решился сломать

собственный палец... в этот момент меня саму накрыла удушающая волна безысходности. Я слышала, как всхлипывали зрители в зале. Но сильнее всего за душу берет то, что даже когда мы все мысленно поставили на твоем герое крест, ты пошел на крайние меры и все-таки вырвался. Это было мощно.

Фан Чжоо согласно кивнул:

— Согласен. Невероятная сила воли. Настоящий актерский азарт и амбиции как раз в том и проявляются — доигрывать сцену на пределе возможностей, невзирая ни на какие обстоятельства.

Наконец микрофон перешел к режиссеру Цзяну. Несмотря на то что почтенный мастер разменял седьмой десяток, он по-прежнему выглядел бодрым и подтянутым; в его благородных чертах все еще угадывался прежний статный красавец.

В былые годы в провинции Тай царило беззаконие, и то, что Цзян сумел не просто выжить в ту эпоху, но и занять незыблемое положение в индустрии, породило немало слухов о его криминальном прошлом и влиятельных покровителях.

Впрочем, даже если отбросить сплетни, его властная натура ощущалась с первого взгляда. Во время предыдущих разборов он говорил мягко и вежливо, но его замечания били наотмашь. Он предъявлял жесточайшие требования к мимике, пластике и малейшим жестам актеров. Стоило кому-то схалтурить, как режиссер тут же разносил бедолаг в пух и прах — предыдущую группу он и вовсе довел до слез.

Его авторитет позволял не церемониться. Не став разводить политесы, режиссер Цзян вынул из уха наушник обратной связи и обратился к нему:

— Та пластиковая стяжка, что была на твоей руке, еще цела? Хочу взглянуть.

Главный режиссер шоу, прекрасно знавший крутой нрав ветерана кинематографа, лишь обреченно вздохнул и дал отмашку ассистентам.

Спустя полминуты на сцену выбежал помощник. На его ладони, прикрытой белой бумажной салфеткой, лежала тонкая черная пластиковая лента. Он почтительно протянул ее мэтру.

Режиссер Цзян взял стяжку, внимательно осмотрел ее и негромко, с налетом уважения покачал головой:

— Жестокая штука. А ты, парень, видать, не из трусливых, раз боли не боишься.

Он перевел тяжелый взгляд на Чу Цинюня и сразу перешел к сути дела:

— Я видел запись вашей первой репетиции. Помнится, ты обмолвился, что Сяовэй вовсе не безгрешный праведник от рождения?

Вопрос прозвучал так, словно режиссер устраивал актеру строгий допрос. Зрители и съемочная группа затаили дыхание, с тревогой ожидая ответа.

Чу Цинюнь же остался невозмутим. Ничуть не заботясь о правилах деликатности и сохраняя привычную маску прямолинейности, он коротко подтвердил:

— Да, говорил.

Режиссер Цзян с любопытством прищурился:

— И как, по-твоему, поступил бы на его месте истинно благородный, высоконравственный человек?

Ожидавший стандартного вопроса о разборе характера своего персонажа, Чу Цинюнь на мгновение замешкался. Он опустил голову, перебирая в памяти образы тех «добряков», которых ему доводилось встречать в жизни.

«Тот же никчемный Переселенец в книгу — прежний хозяин этого тела. Зная о подлости Чжоу Чи и чувствуя глухую ненависть всего семейства Чжоу, этот придурок даже не пытался сопротивляться. Лишь безропотно сносил удары, пока окончательно не загнал себя в угол.

Одно лишь знакомство с букетом запущенных болезней, доставшихся мне в наследство вместе с его телом, причиняло невыносимую муку. Невозможно даже вообразить, какими темпами этот идиот планомерно сводил себя в могилу. И ради чего? Ради того, чтобы соответствовать статусу главного героя, который обязан оставаться кристально чистым и всепрощающим?»

Чу Цинюнь любил себя больше всех на свете и знал свою натуру как никто другой. Он отлично понимал: сам он к категории святых праведников точно не относится.

На сцене повисла короткая пауза. Наконец юноша заговорил, и в его голосе проскользнули непривычные, глубокие нотки:

— Такой человек начал бы сомневаться в собственных идеалах. Он оказался бы зажат в тиски между врожденным чувством долга и суровой реальностью, парализованный этой дилеммой. И в итоге не смог бы сделать ровным счетом ничего.

Режиссер Цзян иронично вскинул бровь:

— Выходит, тебе ближе позиция Сяовея?

Стоявший рядом Шао Жань незаметно потянул Чу Цинюня за край рукава.

Поступки Сяовея можно было понять по-человечески, но с точки зрения закона они являлись преступлением. В эфире подобные рассуждения пахли пропагандой сомнительных ценностей, и Шао Жань всерьез испугался, что парень сейчас наговорит лишнего и навлечет на себя гнев цензоров.

К счастью, Чу Цинюнь не стал говорить лишнего. Он спокойно покачал головой:

— Мой герой не был загнан в глухой угол, у него оставался выбор. Как по мне, банда Лун Тяня уже обречена, и ее главарь в любом случае получил бы по заслугам. Марать руки об этого ублюдка и ломать из-за него собственную жизнь точно не стоило.

— Но ведь его мать убили, — возразил режиссер Цзян.

Казалось, они двое всерьез увлеклись анализом психологической подоплеки старого фильма. Зрители в зале и у экранов заворуженно переводили взгляд с одного на другого, боясь нарушить эту напряженную дискуссию.

При упоминании матери во взгляде Чу Цинюня на мгновение промелькнула тень горького недоумения, но тут же растаяла без следа:

— В смерти его матери виновен не один Лун Тянь. За этим стоит вся банда Чёрного Дракона, предатель, сдавший их полицейским, да и само то жестокое время. Расправа над вожаком — это просто вспышка бессильной ярости, минутная слабость. Поступи он так, и остальные виновники трагедии навсегда ушли бы от возмездия.

Заметив, что на лице сурового мэтра нет и следа гнева, Чу Цинюнь решил немного умерить пыл и придать своим словам более благопристойный вид:

— Так что цивилизованный, законный путь решения конфликта видится мне куда более разумным.

Выслушав его, режиссер Цзян погрузился в раздумья, а затем на его лице проступила редкая, одобрительная улыбка:

— А я-то грешным делом подумал, что ты сейчас затянешь волынку о том, как покойная мать наверняка не пожелала бы сыну сломать жизнь ради мести.

Напряжение в студии спало. Чу Цинюнь слегка усмехнулся:

— Тут уж я наверняка сказать не могу. Но лично я, если бы меня кто-то пришил, а близкие

даже пальцем не пошевелили ради мести, точно перевернулся бы в гробу от злости.

<http://bllate.org/book/20480/2131647>